

Рафаэла Льюис
Османская Турция. Быт, религия, культура

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=607175
Османская Турция. Быт, религия, культура: Центрполиграф; М.; 2004
ISBN 5-9524-1458-3

Аннотация

В книге рассказывается об истории, культуре, административном устройстве, религиозных представлениях и быте османов. Вы сможете познакомиться с полным перечнем религиозных правил и обязанностей, определявших повседневную жизнь турков.

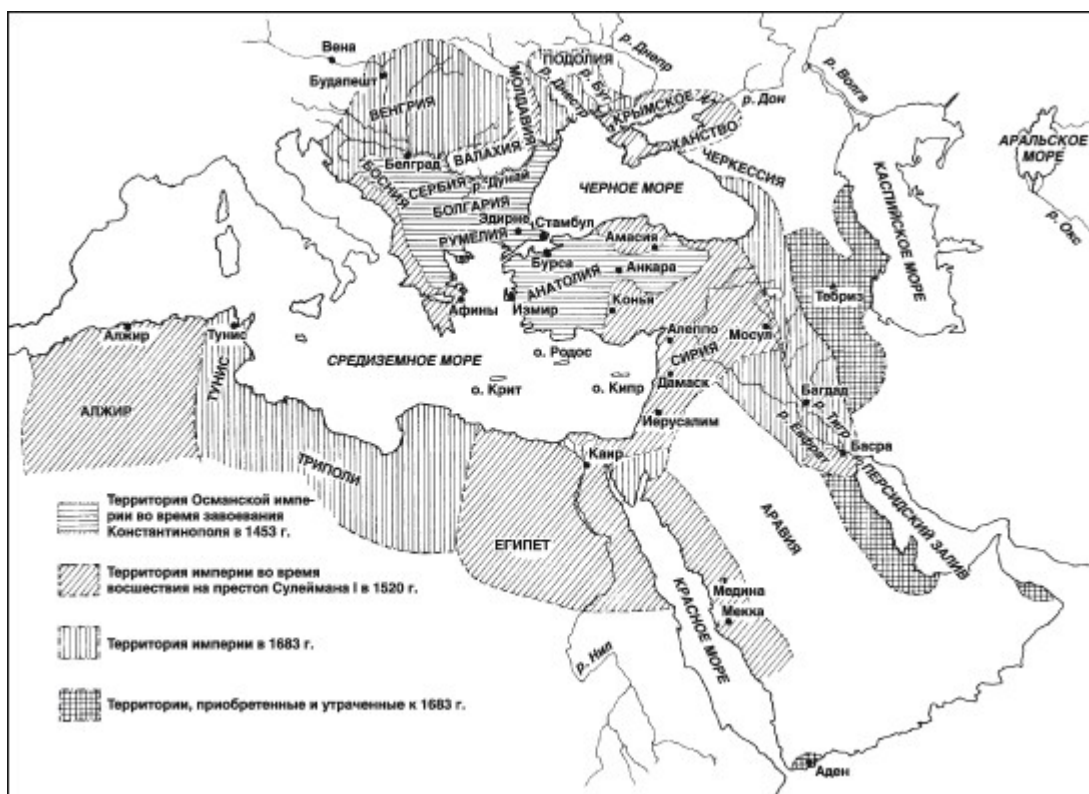
Содержание

Султаны Османской империи	5
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Рафаэла Льюис
Османская Турция.
Быт, религия, культура
Посвящается моей семье

Султаны Османской империи

Осман I (1281–1324), Орхан (1324–1362), Мурал I (1362–1389), Баязет I (1389–1402), (Междоусобица) Мехмет I (1413–1421), Мурал II (1421–1444), (1446–1451), Мехмет II (1444–1446), (1451–1481), Баязет II (1481–1512), Селим I (1512–1520), Сулейман I (1520–1566), Селим II (1566–1574), Мурад III (1574–1595), Мехмет III (1595–1603), Ахмед I (1603–1617), Мустафа I (1617–1618), (1622–1623), Осман II (1618–1622), Мурал IV (1623–1640), Ибрагим (1640–1648), Мехмет IV (1648–1687), Сулейман II (1687–1691), Ахмет II (1691–1695), Мустафа II (1695–1703), Ахмет III (1703–1730), Махмуд I (1730–1754), Осман III (1754–1757), Мустафа III (1757–1774), Абдулгамид I (1774–1789), Селим III (1789–1807), Мустафа IV (1807–1808), Махмуд II (1808–1839), Абдулмеджид (1839–1861), Абдулазиз (1861–1876), Мурад V (1876), Абдулгамид II (1876–1909), Мехмет V (1909–1918), Мехмет VI (1918–1922), Абдулмеджид II (1922–1924).

Карта Османской империи

Глава 1

ОСМАНСКАЯ ТУРЦИЯ, ЕЕ ИСТОРИЯ И НАРОДЫ

В VI веке тюрки помчались на конях со своей родины, расположенной к западу от Великой Китайской стены, на завоевания, которые позволили их потомкам владеть одной из величайших в истории империй. Первоначально тюрки придерживались анимизма, то есть почитали землю, небо, воду, однако с продвижением в Центральную Азию и Восточную Европу в разное время они подпадали под влияние буддизма, манихейства, иудаизма и христианства. Завоевательные походы монголов заставили тюрков отклониться в сторону Арабского халифата, где они приняли ислам – веру, воодушевлявшую их в дальнейшем. Мусульманская религия породила образ жизни, который идеально подходил этим воинственным кочевникам, поскольку диктовал кодекс поведения, предусматривавший безоговорочное подчинение и ограниченную самостоятельность. Эта вера обещала большое вознаграждение при жизни и после нее воинам, сражавшимся и погибавшим в священной войне. Поскольку приверженность мусульманской вере обуславливала также автоматическое включение в обширное и процветающее сообщество, это производило сильное впечатление на завоевателей и покоренные народы, формируя их почти нерасторжимое единство. Приняв ислам, великолепные тюркские воины теперь получали такие важные стимулы к ведению войн, как территориальные захваты и религия. Под их ударами пали Персия, Месопотамия, Сирия и Анатолия.

Мощная экспансия тюрков совпала с упадком восточного христианства. Новая Римская империя со столицей в Константинополе ослабевала экономически – по мере того как уступала свои владения венецианцам, гуннам и совершающим набеги тюркам, и в военном отношении – по мере того как сокращалась армия империи и рушились ее оборонительные рубежи. Четвертый крестовый поход, сопровождавшийся захватом и разграблением столицы Византии Константинополя, подтвердил существование вражды между римско-католической церковью, приверженной папе, и греческой православной, патриарх которой подчинялся императору. Разнообразные факторы, раскалывавшие христианство, не позволяли организовать достаточно эффективный отпор мощной лавине хищных и решительных захватчиков с мусульманского Востока. Тюрки неумолимо надвигались.

Наиболее могущественными среди тех вождей, что руководили тюркскими набегами, были вожди сельджуков – кочевой орды, распространившейся на запад. Они сокрушили всех соперников, выдворили крестоносцев и объединили мусульманскую Азию. С 1037-го по 1300 год они успешно правили державой, простиравшейся в зените могущества от Афганистана до Средиземного моря. В конце концов они стали жертвами монгольских завоевателей и внутренней междоусобицы. Их упадок продолжался до тех пор, пока не сохранили свое господство одни лишь сельджуки Рума в Малой Азии. Но в то время как тюркская держава переживала упадок, небольшие воинственные группы племен утвердились в Анатолии. Среди них всегда существовали отряды гази – мусульманских воинов, которые, не довольствуясь завоеванными территориями, постоянно стремились к продолжению военных походов и расширению границ господства ислама. К XIII веку некоторое число кочевых отрядов гази обосновались в самостоятельных ханствах, почти свободных от власти сельджукских или монгольских вождей, правивших в глубине континента. Одной такой кочевой армией командовал Эртугрул, отец Османа – основателя Османской династии. Здесь смешиваются история и легенда и рождается следующее предание.

Эртугрул, великий полководец из тюркской знати, рожденный повелевать, вел отряд всадников численностью 400 человек через Анатолийское плато, выехав к месту битвы

неравных соперников. С благородным рвением он поспешил на помощь меньшему по численности отряду сражавшихся воинов и вместе с ним выиграл битву. Предводителем отряда, которому помог Эртугрул, оказался не кто иной, как Алауддин Кайкобад, султан сельджуков Рума, который в знак благодарности подарил Эртугрулу земли, располагавшиеся вдоль границы с Византией на крайнем северо-западе своих владений. Эртугрула поставили предводителем пограничного войска, наделив его полномочиями защищать владения султана и по возможности расширять их.

Это предание, хотя и в несколько драматизированной форме, дает представление о способах, которыми небольшие воинственные кланы кочевников смогли утвердиться в Малой Азии, как потому, что они располагали определенной военной силой, так и потому, что клонившаяся к упадку сельджукская держава нуждалась в их помощи для отражения угрозы нападения монголов с востока и христиан с запада.

Но спасти последних сельджуков уже ничто не могло. Нашествие на Малую Азию монгольского завоевателя Чингисхана сделало их султана всего лишь данником победителей, а прибывшие новые тюркские племена, согнанные со своих земель монголами, усилили общий хаос до такой степени, что к концу XIII века эта территория оказалась в состоянии анархии. Власть в ней перешла в руки определенного числа фактически независимых племенных вождей. Одним из них был Осман. Его имя на арабском звучит как Оттоман – так его принято называть на Западе. В 1281 году Осман наследовал своему отцу Эртугрулу. Когда же в 1299 году он провозгласил свою независимость от султана сельджуков, то это было констатацией факта, который сельджуки не могли отрицать. С этого времени начался путь Османа как завоевателя. И хотя его ханство первоначально было одним из самых незначительных среди государственных образований, поделивших между собой державу сельджуков, династия Османа в течение сотни лет одолела большинство своих соперников и основала империю, носившую это знаменитое имя 600 лет.

Сын Османа Орхан, унаследовавший власть от отца, принял титул султана и стал чеканить турецкие деньги, заменившие денежные единицы сельджуков и Византии. Именно Орхан реорганизовал армию, которая теперь состояла из всадников-добровольцев, возвращавшихся в свои деревни по окончании военных походов. Он установил зависимость службы в кавалерии от земельных владений, так что владельцы земельных наделов с лошадьми и вооружением, соответствующими размерам их земельной собственности, были обязаны по первому зову принимать участие в войнах. В отличие от Западной Европы земельные наделы здесь не были наследственными – их даровал правитель.

Причину быстрого успеха и устойчивости власти османов определить нетрудно. Граница Византии, у которой осело племя Эртугрула, являлась наиболее уязвимым местом христианских владений, а постоянный приток газа, хлынувших со всех уголков Анатолии сражаться с врагами ислама, естественно, направлялся в расширяющееся государство османов, откуда они могли совершать набеги, грабить и, возможно, обращать в истинную веру балканские княжества неверных. Ханство османов служило воротами к этим княжествам. Османы предоставили им работу по душе и извлекали из этого выгоду. Оборона самой Византии становилась все слабее, а ее небольшая армия – численностью от 10 до 12 тысяч человек – была ненадежна. В конце же XIII – начале XIV века византийские провинции переживали социальный и экономический распад. Балканский полуостров, который раздирали борьба между претендентами на власть, вражда знати, далеко зашедшие социальные и религиозные распри, созрел для завоевания. Большая часть земель принадлежала монастырям и землевладельцам, жившим в городе на доходы с поместий, а когда турецкие завоеватели «освободили» полуостров и вернули его земли обездоленным крестьянам, их приветствовали как спасителей. Ликвидировав крупных землевладельцев, турки покончили на Балканах со старой моделью феодализма и открыли новые горизонты мелким землепользователям, которые

с благодарностью приняли турецкое правление и платили своим благодетелям лояльностью. Богомилы, которых преследовали как католики, так и православные, считали турок своими освободителями и приняли ислам.

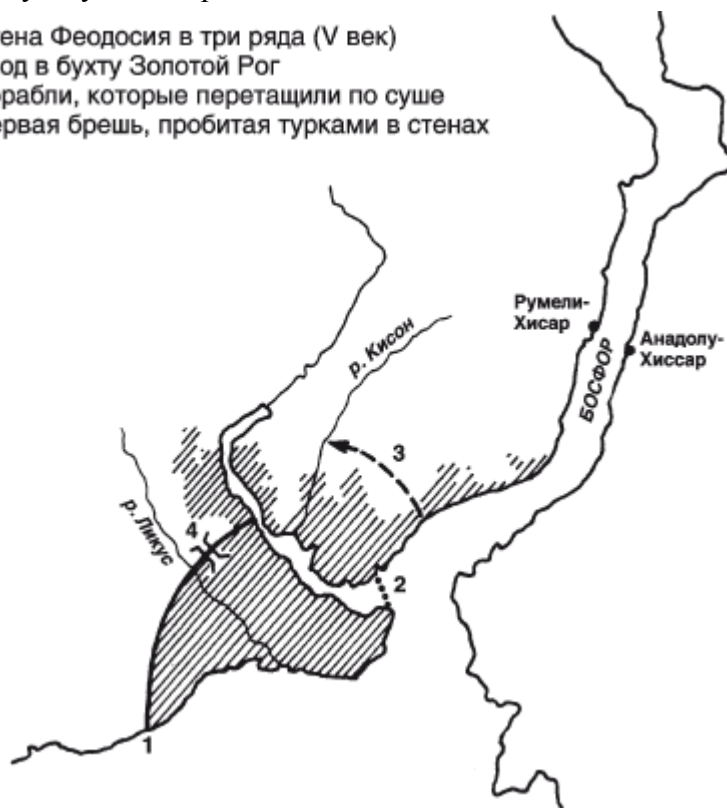
Когда османы поняли, насколько богата и разобщена Европа, они продолжили свои завоевания, постепенно установив господство над Фракией и Балканами. После закрепления власти турок на завоеванных территориях улемы – ведущие богословы – приняли меры для учреждения административных органов на новых территориях, тем самым способствуя укреплению порядка и установлению стабильности, что способствовало, в свою очередь, обустройству населения и упрочению власти турок. Фактически к концу XIV века Османская империя владела в Европе большей территорией, чем в Азии. Однако в 1390 году султан Баязет начал завоевывать территории в Малой Азии. Его солдаты-мусульмане с неохотой сражались против единоверцев, которых они не могли грабить с чистой совестью, поэтому Баязет укрепил свою армию вассальными сербами и греками. Начав в первое десятилетие XV века активно завоевывать Малую Азию, в 1402 году он потерпел сокрушительное поражение близ Анкары от великого тюркского завоевателя Тимура. Это случилось за три четверти столетия до полного возвращения османами земель, которые они так быстро завоевали, но еще быстрее утратили.

Катастрофа при Анкаре, однако, существенно не отразилась на владениях османов в Европе, откуда в первой половине XV столетия они продолжили свое продвижение, но предстояло завоевать главный приз – Константинополь. Обессиленная потерей своих богатых провинций и соответственно налогов, лишенная возможности набирать солдат для армии из-за утраты Анатолии, Восточная Римская империя превратилась в жалкое государственное образование, окруженное могущественными и победоносными турками. Возможно, более всего империю ослабляли распри между католиками и православными, хотя в 1439 году император Иоанн VIII согласился признать верховенство папы и союз православной и католической церквей – он надеялся на помощь в отражении турок. Но византийское духовенство и набожные православные жители Константинополя яростно противились компромиссу с ненавистными католиками, считая это изменой православию. Даже накануне захвата города турками папа оставался главным врагом. В результате помощь христианских государей, направленная осажденному городу, оказалась абсолютно неадекватной. Когда в 1452 году Мехмет II завершил строительство крепости Румели Хисар, закрывшей доступ к Константинополю через Босфор, защитники города приготовились к своей последней битве. Мехмет II располагал первым в истории настоящим артиллерийским арсеналом – большим выбором бомбард и пушек – и, кроме того, огромной армией, включавшей рекрутов из Европы и Азии, 100 тысячами ополчения и сопровождения, в то время как население Константинополя составляло тогда около 60–70 тысяч человек, только 5 тысяч из которых были готовы сражаться. В ответ на отчаянную мольбу о помощи императора Константина папа направил к нему кардинала Исидора в сопровождении 200 солдат. Первое же упоминание кардиналом в соборе Святой Софии Декларации о Союзе и имени папы вызвало истошные крики прихожан: «Лучше турецкий тюрбан, чем папская тиара». Генуэзцы прислали 3 тысячи солдат, и Константин мужественно приготовился к отражению штурма. Однако численности его армии все еще не хватало, чтобы занять позиции по периметру стен города и восстановить их обрушение на ряде участков.

Город был обнесен тремя рядами стен со рвами между ними, заполненными водой, на стенах находились сторожевые башни, существовали широкие проходы для передвижения войск. Городские стены выдержали двадцать осад, но теперь войска были способны преодолеть их прочность. Вход в бухту Золотой Рог перегораживала большая цепь, протянувшаяся от берега к берегу. Ловким ходом Мехмета стала постройка деревянного настила, смазанного маслом, который тянулся от берега Босфора до речки, впадавшей в Золотой Рог. По настилу

при помощи быков перетасили 70–80 турецких кораблей. Они прошли по реке в бухту, оказавшись по другую сторону от перегораживавшей ее цепи. Население Константинополя проснулось в пост на понедельник в 1453 году, чтобы увидеть жуткое зрелище передвижных вражеского флота уже у стен города.

1. Стена Феодосия в три ряда (V век)
2. Вход в бухту Золотой Рог
3. Корабли, которые перетасили по суше
4. Первая брешь, пробитая турками в стенах

Укрепления Константинополя во время завоевания города

Яростное сражение длилось несколько дней, но 29 мая Мехмет повелел начинать решающий штурм города с моря и суши. Наконец, в стенах были пробиты бреши, а император Константин погиб, защищая город. Греческие и итальянские солдаты, оставшиеся в западнe между стенами, были перебиты, турки ворвались в город, где три дня занимались беспощадной резней и грабежами. Впрочем, их действия нанесли Константинополю меньший ущерб, чем его разорение крестоносцами. Затем Мехмет твердой рукой навел порядок и, к изумлению тех, кто ожидал, что город сровняют с землей, объявил о своем желании сделать Константинополь столицей империи.

Не следует думать, что турки во время захвата Константинополя выглядели дикими варварами: прекрасная столица Бурса свидетельствует об их незаурядных способностях в изящных искусствах и архитектуре. Нужно учесть также, что в течение целого столетия османы и византийцы соседствовали, между ними совершался культурный обмен и их объединяли матримониальные интересы, порой стороны оказывали друг другу военную помощь и вступали в союзы.

Одним из первых мероприятий Мехмета в новой столице, переименованной турками в Стамбул, стало возвращение в город населения. Многим беженцам гарантировали защиту имущества и свободу вероисповедания, тем не менее тысячи людей переселились в Адрианополь, Галлиполи и Анатолию. С другой стороны, тысячи людей переселили в город из Сербии, Албании и Греции, многих – в качестве рабов, иммигрантов, военнопленных и беженцев. Наибольшее число переселенцев составили анатолийские турки, которые были призваны стабилизировать здесь ситуацию. Эти турки расселились в городских районах, получивших названия от городов и деревень, из которых прибыли новые жители.

Мехмет отличался большой дальновидностью в государственных делах. Он следовал принципу византийских императоров и арабских халифов: разрешить различным религиозным общинам иметь своих собственных лидеров. Мехмет выбрал известного греческого священника на место патриарха греческой общины, освободил духовенство от налогов, даровал церкви полную автономию от государственной власти и свободу отправления религиозных обрядов. В Византии вся полнота власти над православными греками принадлежала императору, патриарх оставался его тенью. Эту традицию переняли и турки. Кроме того, Мехмет позволил главному раввину вести гражданские и религиозные дела еврейской общины.

Завоевания продолжались. К турецким владениям прибавились Босния, Герцеговина и Албания, а к 1460 году пала вся Греция. Затем настала очередь Крыма и Румынии; постепенно султан Селим I захватил Сирию и Египет. Между 1520-м и 1566 годами его сын Сулейман Великолепный (бывший современником Карла I, Франциска I, Генриха VIII, Елизаветы I, Льва XX, Колумба, Кортеса, Ралея и Дрейка) завоевал Белград, Родос, Венгрию, часть Месопотамии и Армении, Йемен, Аден и побережье Северной Африки. Как уже отмечалось, «он располагал даровитыми советниками, которых умел держать своей волей в повиновении и использовать благодаря своей мудрости». Нам хочется рассказать об Османской Турции именно в ее золотой век. В этой книге в основном будет описываться жизнь османских турок именно в этот период, поскольку тогда она была наиболее обеспеченной и безопасной. Однако правление Сулеймана стало водоразделом между эпохами. С его окончанием начался закат Османской империи. Сулейман первым установил режим капитуляций, то есть разрешение иностранцам пользоваться привилегиями собственной юрисдикции в пределах империи. Первоначально привилегии предоставлялись торговым компаниям, позднее властям любой страны, подданные которой имели достаточно важные интересы во владениях Османской Турции. Благодаря привилегиям иностранцы не подпадали под действие турецких законов и не платили налогов. Их дома и торговые предприятия пользовались иммунитетом, а аресты и высылки этих иностранцев могли осуществлять лишь послы соответствующих государств. Споры и конфликты между иностранцами разрешались их собственными консульскими судами по законам соответствующих стран. Немусульманские подданные Турции на службе у иностранцев могли получить аналогичный статус на основании консульских дипломов. На начальном этапе нарушения этих привилегий встречались крайне редко, поскольку землячества иностранцев были малочисленны и состояли главным образом из торговцев. Однако к середине XIX столетия этот режим капитуляций стал восприниматься как признак слабости Турции.

Может показаться невероятным, что империя клонилась к упадку почти четыре столетия. Причины этого заключались частью в том, что султаны мирились с крайне низким уровнем политического единства, с большим разнообразием социальной и религиозной практики, но частью и во внутренних проблемах, преобладании интереса к внешнеполитическим делам и в распрях соперничающих кланов в Османской империи. Как бы то ни было, контролировать такие обширные и разнородные владения было невозможно, и на окраинах огромной империи все больше утверждалась автономия. Но главнейшая причина упадка заключалась в том, что империя представляла собой прежде всего военную машину. Начиная с Сулеймана султаны перестали быть завоевателями, а превратились в императоров. Теперь султаны в сопровождении своих визирей водили армию в сражение лишь в редких случаях. Армия вступила в эпоху, когда войны, за исключением оборонительных, велись редко, а это оборачивалось отсутствием новых рабов и богатых трофеев. Какое-то время империя пользовалась плодами завоеваний предшественников, затем ее слабости проявлялись все отчетливее. Армия становилась строптивой и неуправляемой, и, хотя предпринимались некоторые попытки реформировать ее по западной модели, они оказались безуспешными, преодолеть глубоко укоренившийся старый порядок было невозможно. Улемы тоже

добивались для себя большей власти и вели себя почти так же своевольно, как и янычары в армии. Легче становилось купить высокую должность, даже в больших городах не требовалось больших знаний и способностей, чтобы занять пост судьи, а медресе – религиозные школы – совершенно не интересовались делами за своими пределами. Тем временем султанский двор тоже переживал упадок и коррумпированность.

Потребовались 12 лет непрерывной борьбы с братьями, чтобы Мехмет I почувствовал себя в безопасности на троне. Мураду II пришлось противостоять претендентам на султанат в лице его дяди и младшего брата. Когда Мехмет II включил в свой «Свод законов Османской династии», наряду с рутинными мелочными предписаниями о необходимости для придворных разбрасывать мелкие монеты во время выступления султана в военный поход или о смене ежеквартально облачения дворцовых пажей, одну жуткую статью, он руководствовался опытом правления своего отца и деда. Статья гласила: «После того как Аллах дарует одному из моих сыновей султанат, следует ради сохранения порядка в падишахстве умертвить его братьев. Большинство улемов объявили это допустимым. Соответственно надо и действовать».

В XVII веке этот закон братоубийства утратил силу. Вместо умерщвления братьев султана стали заключать в роскошных апартаментах дворца. Интриги наложниц султана, чтобы обеспечить наследование трона собственными сыновьями, стали еще одним источником слабости династии. Не стоит удивляться тому, что так много последних султанов оказались людьми аморальными и невежественными. Тем не менее они оставались стержнем империи, держали ее судьбу в своих руках.

Во властных учреждениях происходил торг должностями, так что повышение по службе становилось скорее следствием богатства, нежели способностей. Часто преданных слуг султана замещали на их постах те, кто могли покупать должности. Сбор налогов уступил место торговле правом взимать налоги с сопутствующими последствиями этого в виде вымогательства и коррупции. Экономика и торговля империи отставали от уровня индустриализации и механизации западных держав.

Это отражалось на снабжении армии, судостроении и системе образования. Из-за традиционной неприязни к Западу, выросшей из прежних веков военного превосходства, Османская империя долгое время отказывалась принять на вооружение новые виды военной техники и тактику. Видимо, именно это мусульманское пренебрежение к новациям, исходящим от неверных, заставляло турок неадекватно реагировать на народные восстания на Балканах, а соотношение сил в Восточной Европе в последнюю четверть XVII века изменилось не в их пользу. В 1774 году по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору русские добились не только территориальных приобретений, но также права судоходства в Черном море через проливы Босфор и Дарданеллы. Высадка мощного русского десанта на азиатский берег Босфора привела к заключению в июле 1833 года Хункарского договора, предоставившего русским свободу судоходства через Босфор и Дарданеллы, а также лишившего этого права другие страны, если не получено одобрение России. Кроме того, русские добились права «ходатайствовать» перед султаном в пользу Молдавии и Валахии и выступать с представлениями по поводу необходимости постройки в Константинополе православной церкви. Это положило конец турецкому господству в Черном море. Была ограничена также власть над христианами империи, поскольку договор давал повод русским претендовать на покровительство всем подданным Турецкой империи, исповедовавшим православие.

В XVIII веке ослабла власть турок над Северной Африкой. Султаны перестали посылать своих пашей в Алжир, Тунис и Триполи, ограничившись лишь выдачей титула наследования для местных правителей. В Египте власть перешла к мамелюкам, а в конце XIX века Турция стала считаться «больной» в книгах по истории.

В зените могущества империи ее владения простирались от Будапешта на Дунае до Асуана на Ниле и от Евфрата почти до Гибралтара. В Европе Турецкая империя включала Балканский полуостров, Трансильванию, Молдавию, Валахию, большую часть Венгрии, Подолию, все северное побережье Черного моря, Крит, Кипр и острова Эгейского моря; в Азии – Малую Азию, Армению, большую часть Кавказа, долины Тигра и Евфрата, Персидский залив, все Восточное Средиземноморье и полосу побережья Аравийского полуострова до залива Адена; в Африке – Египет, Триполи, Тунис и Алжир. Население империи насчитывало около 50 миллионов человек. Оно состояло из мусульман: турок, татар, арабов, курдов, туркмен, берберов и черкесов. Определенное число боснийцев, албанцев и болгар было обращено в мусульманскую веру. Христианское население придерживалось в основном православного вероисповедания. Оно включало греков, венгров, сербов, румын, армян, грузин и египетских коптов. Были также евреи и, кроме того, рабы из Германии, Польши, России, Греции, Италии, Франции и Испании.

Формат этой книги не позволит описать многообразие условий, сложившихся в империи за 600 лет, но своеобразная стабильность османского общества позволяет описать образ жизни, сохранявшийся частично или в целом в течение весьма продолжительного периода.

Необходимо разобраться в значении слов «турки» и «османы». В этой книге слово «турецкий» употребляется так, как принято на Западе, где не делается различия между Стамбулом и остальной страной, но Турция выделяется из империи, хотя в реальности такой географической целостности, как Турция, на карте Османской империи не существовало. Разумеется, были территории с населением, говорившим преимущественно на турецком языке, приблизительно соответствовавшие первоначальным захватам османами земель в Анатолии и Румелии, но их поделили на административные единицы, подчинявшиеся центральному правительству в Стамбуле, по тому же принципу, что и другие владения султана. Понятия тюркизма в национальном смысле попросту не существует, так же как не было такого понятия, как «Турецкая империя». В этом смысле даже понятие «султан» пришло с Запада. Суверен величался на этой территории падишахом – в переводе с персидского языка «император». Слово «турок» использовалось для обозначения крестьянина, и даже деревенщины. Так называли жителей Анатолии, говоривших на турецком языке. Правящий класс, в первую очередь суверен и государственные чиновники, считали себя османами и мусульманами, и, хотя имела место религиозная солидарность, образованные городские представители правящего класса считали людей, называвшихся турками, провинциальными мужланами и представителями «подлого» сословия. Каждый этнический турок, за исключением тех, что были представителями духовенства или нескольких выдающихся военных и государственных деятелей, получивших образование и добившихся высокого положения во власти, был накрепко привязан к своему месту в жесткой социальной иерархии. В его представлении, однако, это было прочное, уважаемое место под защитой системы.

Османы унаследовали некий гибрид турецкого языка. В нем содержался большой объем заимствований из персидского и арабского языков. На нем говорили богатые и знатные. Речь простых турок считалась ими «грубой». Язык османов использовался в государственных учреждениях, арабский – в сфере религии, персидский – в области культуры и литературы, особенно поэзии. Только дома, вдали от посторонних глаз и, возможно, от слуг, османы говорили на турецком – языке жителей Анатолии.

Глава 2

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ

Важно то обстоятельство, что османам удалось, учитывая размах их завоеваний и разнообразие культур и укладов, проявить недюжинный талант в государственном управлении. Фактически именно это, а не обширность их территориальных приобретений характеризует величие Османской империи и определяет качество жизни ее подданных. На такую одаренность осман указывают сочетание отлично организованной государственной службы, системы социальной справедливости, основанной на сакральных законах ислама и потому вызывающей к себе благочестивое отношение населения, и наличие жестокой, преданной и дисциплинированной армии. Все это вполне совмещалось с местными обычаями, укоренившимися столь глубоко, что их нарушение было либо опасным, либо невозможным. К этому следует добавить гуманность турок на моральном и бытовом уровнях, которая способствовала тому, что христианское население многих завоеванных территорий смирилось со своей судьбой. В самом деле, притом что большая часть населения многих провинций разительно отличалась в расовом и религиозном отношении от управлявших ими осман, социальный протест поражал своим незначительным масштабом. Даже во время войны правительственные силы поддержания порядка отвлекались на ведение боевых действий, оставляя горстку чиновников управлять подданными завоеванной провинции. В сложившихся обстоятельствах мусульманское население завоеванных территорий, воспитанное в традициях подчинения и неприятия перемен, за исключением некоторых непримиримых и разбойничьих племен, без особого труда управлялось османами. Благодаря взаимодействию многих факторов, сохранявших свое влияние в эпохи становления, расцвета и упадка Османской империи, она представляла собой внушительную силу в продолжение 600 лет, имея в качестве символа своего могущества и великолепия верховного правителя – султана.

Хотя Османская династия просуществовала тот же исторический срок, что и империя, наследование в ней монаршей власти старшим сыном происходило отнюдь не автоматически. В 14 лет или примерно в этом возрасте после церемонии обрезания юных принцев отсылали управлять различными провинциями Анатолии, откуда в столицу следовали отчеты о результатах их правления. Со временем правивший султан решал, какой из сыновей мог считаться его наследником, тому и предоставлялся важный административный пост близ столицы. Для того чтобы избежать заговоров враждующих группировок двора, поддерживающих разных претендентов на трон, как уже упоминалось, существовала практика умерщвления других братьев (и их сыновей). Их душили шелковой удавкой – такая казнь приберегалась для тех, пролитие благородной крови которых считалось делом нечестивым. Эта варварская практика воспринималась как недорогая плата за избавление от династических войн и гражданского противостояния: «Смерть принца менее прискорбна, чем потеря провинции».

Траур по случаю кончины самого султана не был слишком длительным, его гарем быстро удаляли в Старый дворец, а фаворитов и фавориток разгоняли. Новый султан немедленно вступал в должность, усевшись на троне перед Вратами счастья в Новом дворце, которые Мехмет Фатих (Завоеватель) построил на мысе, обращенном к входу в Босфор. Там ему присягал двор: знатные лица империи целовали край его одежды и клялись в преданности. За этим следовала церемония заседания его совета – дивана, – где объявлялось о назначении новых министров и раздавались подарки. На заседании дивана отдавались официальные повеления о чеканке новых монет, на которых были выгравированы имя, титулы и дата восшествия на престол. Каждый султан владел особой печатью – тугрой, которая

использовалась как в качестве подписи, так и монаршего вензеля в форме замысловатой монограммы его имени. Оттиски этой тугры ставились на документах, султанских декретах – везде, где требовалась султанская печать, а позднее и на монетах. Через 5–15 дней наступало время Опоясывания – церемонии несколько мистического характера, проводившейся в узком кругу приближенных. Султан совершал морскую прогулку на барке по акватории бухты Золотой Рог к гробнице Эюба – соратника пророка Мухаммеда, который пал в сражении и был похоронен на месте гибели, а его мавзолей стал самой почитаемой мусульманской святыней в Европе. Там в торжественной обстановке султана опоясывали поясом с обнаженными мечами – иногда не одним, – которые изымали из сокровищницы. На церемонии присутствовали великий муфтий, олицетворявший духовную власть, главный меченосец, представлявший султанскую семью, а также небольшое число приближенных, находившихся в это время в особой милости, таких, как главы определенных дервишских орденов. После этой церемонии султан мчался верхом на коне в Стамбул, останавливаясь по пути у гробниц своих великих монархов-предшественников.

О том, что новый султан пришел к власти, оповещали все провинции империи и всех других государей. Он получал такие богатые подарки, что многие иностранные послы и посланники, наблюдавшие в Стамбуле великолепие этих подарков, впадали в уныние от скудости собственных средств и невозможности преподнести султану дар такой же ценности. Они отсылали на родину отчеты, находясь в смущении и отчаянии от зрелища проходивших по улицам города верблюдов с грузами сокровищ из России, Китая и Индии.

По восшествии на престол султан становился абсолютным деспотом – вершиной системы правления, основанной на священном законе ислама. Это, наряду со строгими ограничениями, тем не менее наделяло его огромным авторитетом как верховного правителя, властителя, особенно с тех пор, как султан унаследовал сан халифа – преемника пророка. Он также становился административным, политическим и военным главой мусульманской общины. Однако для удостоверения того, что все политические действия султана соответствуют законам шариата, он при принятии важного политического решения получал благословение великого муфтия – высшей религиозной инстанции. Если случалось, что муфтий отказывал в благословении, султан оставлял свой проект. Если же у него было достаточно прочное положение, чтобы настаивать на своем решении, то добивался смещения муфтия и замены его более покладистым, способным найти религиозные обоснования решению государя. С другой стороны, слабый и непопулярный суверен мог ожидать, что грозный муфтий при поддержке мятежного населения осудит его как правителя, не способного применить религиозный закон. Тогда султана смещали и заменяли другим членом семьи, более заслуживающим такой чести. Обычно же султаны держали бразды правления в руках крепко, и в этом им помогало то, что администрация, отчасти и в армии, состояла фактически из рабов, жизнь и смерть которых зависела от государя. Сложилось это таким образом.

Численность рабов, рождавшихся в мусульманских владениях империи, все уменьшалась, по мере того как их господа в стремлении угодить Аллаху предоставляли им свободу или из-за того, что дети матерей-рабынь и господ-мусульман автоматически получали свободу. Это означало, что следовало пополнять количество рабов либо путем завоеваний, либо покупкой на чужих территориях. Из трофеев войны пятая часть поступала султану; в дальнейшем рабами султана становились в этой пропорции все пленные, захваченные в войнах с неверными, а наиболее пригодных из них делали солдатами. Однако с наступлением перерыва в войнах в Европе поток пленников-христиан иссяк, а поскольку священный закон запрещал обращать в рабство единоверцев-мусульман, азиатские завоевательные походы не давали новых рекрутов. Вот почему родился совершенно оригинальный замысел: периодически, в зависимости от потребностей, производился набор рекрутов из владений султана, населенных христианами, главным образом из Балканских стран. На воинскую службу отби-

рали холостых юношей в возрасте между 10 и 20 годами. В этом случае офицер-янычар с помощником объезжал подведомственные районы в христианских провинциях, таких, как Румелия, Албания, Греция и Сербия, имея в своем распоряжении удостоверяющий документ с подписью командующего янычарами, предписание с указаниями его полномочий и нарядом-заказом на воинскую форму. Глашатаи вызывали на просмотр детей, которые приходили вместе с отцами и деревенскими священниками. Те приносили свидетельства о рождении детей. Офицеры, ответственные за набор рекрутов, отбирали в присутствии местного судьи и богатых землевладельцев наиболее пригодных для службы юношей, то есть физически крепких, привлекательных, психически устойчивых, которые не знали турецкого языка и не владели никаким ремеслом, не состояли в браке, не проживали в городе и не были сиротами, вынужденными заботиться о себе. Отбирались только дети христиан, а также дети одной специфической народности – боснийцев-мусульман. Они должны были представлять собой чистый, простой, сырой материал, из которого следовало вылепить новые судьбы. Хотя отбору не подлежали сыновья, являвшиеся единственной опорой своих родителей, эта беспощадная рекрутская практика доставляла много горя и переживаний. Она явилась причиной многих ранних деревенских браков, при помощи которых юноши избегали неволи. Тем не менее, последующая подготовка юных рекрутов открывала для них такие необозримые перспективы продвижения по службе, что многие семьи смирялись с такой системой набора и даже радовались расставанию со своими сыновьями. За принятие юношей-немусульман на службу была предложена такая сумма взяток, сколько денег заплачено за покупку юношей-христиан. Молодых мусульман Боснии, уже подвергшихся обрезанию, охраняли по пути в столицу с особой бдительностью, чтобы в их среду не проникли юноши-турки. Чтобы избежать злоупотреблений, помощник, сопровождавший офицера-янычара, составлял документ, где указывались имена, происхождение, возраст и характеристика рекрутов, в двух экземплярах. Одна копия документа передавалась офицеру, другая – смотрителю, доставлявшему юношей в Стамбул. Такой набор рекрутов называли «девширме» – «сбор».

По прибытии в столицу рекруты официально принимали ислам, то есть поднимали правую руку и произносили: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк Его». Затем они подвергались обрезанию. Наиболее сообразительные и способные юноши отбирались для службы во дворце, остальные передавались внаем турецким семьям Малой Азии и Румелии для сельскохозяйственных работ, изучения турецкого языка и окончательной исламизации. Затем, когда освобождались вакансии, их брали на службу в элитное армейское подразделение – корпус янычар – или на какую-нибудь иную службу. В любом качестве они оставались рабами султана пожизненно, покорными его прихотям и повелениям, обязанными идти туда, куда их пошлют, выполнять то, что им поручат, и готовыми отдать свою жизнь в любое время. С другой стороны, в меру своих способностей и преданности они могли добиться, особенно на дворцовой службе, вершин власти и богатства, а титул раба султана считался почетным. Совершенно оторвавшись от прежней жизни и подвергнувшись суровой и всепоглощающей муштре, они одновременно полностью зависели от султана и обладали абсолютной компетентностью относительно требований своей службы. Многие из этих сыновей забитых и безграмотных родителей были настолько удачно отобранны и подготовлены к выполнению своих обязанностей, что становились высокообразованными и культурными, чрезвычайно одаренными людьми, на административном таланте которых держалась огромная и сложная империя.

Наиболее сообразительные юноши, отобранные для службы в столичном дворце, направлялись туда в качестве пажей под присмотр главного белого евнуха. Другие попадали в тот или иной из султанских дворцов в Бурсе и Эдирне или в специальные школы при дворце в Галате и Стамбуле. За ними осуществлялся хороший уход, но с соблюдением условий простоты быта и дисциплины, с явным акцентом на повиновение и хорошие манеры. Наказы-

вали юношей строго, но не жестоко: не более раза в день наносили тонким прутом десять ударов по подошвам стоп. Обслуживая султанскую семью в качестве пажей, они проходили вместе с тем основательное обучение турецкому языку, чтению по-арабски, поскольку арабский – язык Корана, и по-персидски, поскольку персидский был языком литературы и поэзии, равно как истории, юриспруденции и религии. Для страховки от возможной безработицы или, вероятно, в качестве дани традиции, которой следовали даже султаны, каждого юношу обучали также какому-либо ремеслу, а кроме того, владению оружием, искусству верховой езды и военной стратегии. Обо всех достижениях учащихся докладывал по инстанции их главный наставник – евнух, опекавший группу из десяти человек денно и нощно. В соответствии со своими способностями ученики проходили различные ступени дворцовой службы. Наиболее способные прислуживали самому султану до 25-летнего возраста, когда считалось, что они готовы вступить в самостоятельную жизнь вне дворца. Из этих юношей отбирали назначенцев на должности губернаторов в провинциальные города. Некоторые поступали на службу в Почетную гвардию – ударный корпус специального назначения, однако большинство отправляли служить в кавалерию регулярной армии – Сипахи Порты. На торжественных церемониях выпуска учащихся присутствовал сам султан, он поздравлял каждого из них с получением назначения и дарил расшитый вышивкой френч, хорошего коня, а иногда и деньги.

Тех, кто поступил на государственную службу и кто доказал своей преданностью и способностями, что достоин занимать высокие должности, повышали по службе до тех пор, пока лучшие из них не возвращались во дворец на самые ответственные посты. Даже в этом случае учебный процесс продолжался, поскольку Тайный совет тоже был своеобразной школой, где его члены усваивали опыт высокопоставленных сановников, обсуждали их идеи и демонстрировали способность занимать более высокие посты, и даже должность главы государственного аппарата – великого визиря. Он считался представителем султана, главным министром, ответственным за все назначения в армии, столичной и провинциальной администрации. Великий визирь командовал армией во время войны, если султан не брал эти обязанности на себя, нес ответственность за поддержание законности и порядка в столице. Его официальная резиденция, известная как «Баб-и-Али» – «Высокие ворота», которой европейцы дали более яркое название «Высокая Porta», – отождествлялась Западом с правительственной резиденцией Османской империи. Тем не менее этот назначенец был таким же рабом султана, как простой рекрут, и так же, как раб, подвергался суровым наказаниям, впад в немилость, в случае признания не соответствующим своему посту или вовсе ненужным.

Наряду с государственной службой, в которой руководителями могли быть как свободно рожденные мусульмане, так и рабы-христиане, властью обладали представители судебной системы и иерархии духовенства. Правовые нормы черпались в империи из четырех источников. Во-первых, из шариата – свода священных законов ислама, изменить который или не подчиниться ему не мог и сам султан; во-вторых, из канунов – законов, письменно декретированных султанами; в-третьих, из адата – устоявшихся обычаев, имеющих особое значение в отдаленных и отсталых районах, где посредством неписаных законов веками осуществлялось нечто похожее на правосудие; в-четвертых, из урфа – установлений правившего султана в письменной форме, становившихся канунами, но более важными, чем прежние кануны или нормы адата, противоречившие этим султанским установлениям.

Разумеется, первостепенную важность имел шариат. Он господствовал не только в правовой и религиозной сферах, но также в социальной, этической и экономической жизни людей. Это была вотчина улемов, то есть мусульманского духовенства разных рангов – от муллы самой захудалой сельской школы до высокообразованных людей, которые, следуя четко выработанному курсу преподавания, становились признанными авторитетами в сфе-

рах закона и религии. Свое образование они начинали в медресе и учебных заведениях при больших мечетях, где изучали грамматику, логику, философию, геометрию и астрономию. Помимо этих предметов, в медресе более высокого разряда, где обучение велось двенадцать лет, изучались Коран и шариат, в том числе теология, толкование священных книг и юриспруденция. Когда учащиеся завершали курс обучения, они приобретали достаточные знания для назначения на пост кадия – судьи одной из провинций. Более честолюбивые начинали преподавать в первом из списка двенадцати высших медресе, составленного по восходящему принципу. Молодые люди последовательно проходили очередные ступени и приобретали квалификацию для занятия более высокого поста. После того как они поработали в девяти медресе, завершая преподавание в одной из авторитетных школ при мечети Сулеймане в Стамбуле, перед ними открывалась перспектива назначения на самую высокую должность. Они могли благодаря приобретению высокой квалификации стать преподавателями трех главных медресе или кадиями в любом из двенадцати наиболее важных городов империи, самыми первыми из которых считались Мекка и Медина, или даже занять должность кадия Стамбула. Выше этой должности считался пост кадия-аскера Анатолии, то есть армейского судьи азиатских провинций, а еще выше был пост кадия-аскера Румелии – армейского судьи европейских территорий империи.

Наиболее значительным из всех назначений был пост муфтия Стамбула. Этот пост объединял строго религиозную и юридическую ветви, символизирующие нерасторжимость этих двух аспектов священного слова. Муфтий Стамбула носил титул шейх-уль-ислам. Обычно им становился получивший повышение кадий-аскер. Шейх-уль-ислам всегда играл большую роль в системе власти империи, хотя не оказывал влияния на светскую жизнь и воздерживался от активной деятельности. На нем, однако, лежала ответственность за объявление войны, которую собиралось начать государство, участие в которой декларировалось как священный долг мусульманина. К нему обращались также за экспертной оценкой соответствия кануна, который хотел ввести в обиход султан, нормам шариата. Ведь шейх-уль-ислам был хранителем и главным толкователем священного закона, он был совестью султана и одновременно представлял собой духовный противовес великому визирю. Ни один из них не превосходил по значению другого, хотя шейх не призывался на заседания султанского дивана, где религиозный закон представляли кадии-аскеры Румелии и Анатолии. К другим религиозным деятелям высокого ранга относился ходжа – религиозный наставник султана. Он опекал монарха до его вступления на престол и, естественно, пользовался большим почетом. Далее шли два имама, ведущие богослужение в дворцовой часовне или в любой мечети, которую посещал султан по пятницам; главный лекарь дворца, обремененный невероятной ответственностью, главный астролог, основная функция которого состояла в начертании карт и календарей, указывающих на благоприятные обстоятельства для любых начинаний.

Все улемы оплачивались из фонда пожертвований верующих, средствами которого распоряжался специальный отдел казначейства. Фонд пополнялся за счет различных штрафов и подношений. Улемы не облагались налогами, их собственность не подлежала конфискации, и, в отличие от собственности рабов султана, она передавалась по наследству. Кроме того, они вершили правосудие. Это сочетание власти и привилегий обеспечивало улемам как высокий престиж, так и большое богатство.

Судьи подразделялись на кадиев и муфтиев. Кадии, от принципиальности, профессионализма и доброй воли которых зависело правосудие Османской империи, назначались на свои посты в Европе, Северной Африке и Крыму кадием-аскером Румелии, в Азии и Египте – кадием-аскером Анатолии. Оба ведомства не зависели друг от друга. Получив должность, кадий брал себе в помощники одного-двух набов. Кроме разрешения юридических споров, кадии оформляли брачные договоры, выступали районными нотариусами, обеспечи-

вали защиту сирот и инвалидов, присутствовали на брачных церемониях и занимались регистрацией актов гражданского состояния. Кроме того, к кадиям и муфтиям могли обращаться за рекомендацией высокопоставленные чиновники района.

При разбирательстве судебных дел кадий обращался прежде всего к шариату за руководством и толкованием. В этом ему могли оказать помощь муфтии. Затем судья использовал в качестве источника права кануны султана, регулировавшие области светского уголовного законодательства, которые не охватывал шариат, и устанавливавшие соответствующие штрафы и наказания. Кануны в целом были более суровы, чем нормы шариата, что, очевидно, не должно вызывать удивления. Кануны предусматривали более серьезные наказания, хотя приговоры требовали одобрения улемов, были тщательно сформулированы на ясном турецком языке или его диалекте и рассылались во все суды города. Их содержание надлежало довести до сведения народа. Кануны зачитывали в публичных местах громким голосом, и каждый житель имел право потребовать в суде или государственном учреждении копию свода законов, за которую взималась небольшая плата.

Наконец, кадий давал рекомендации по вопросам применения обычаев и права убежища, принятых в данной области, и употреблял свой опыт и здравый смысл при вынесении судебных решений. Хотя фетвы – правовые заключения великих муфтиев – записывались и распространялись для изучения, никакого учета в письменной форме разрешенных судебных дел не велось. В спорных ситуациях ссылки на прецеденты не использовались. Постановление суда было окончательным, апелляций в другие инстанции не допускалось, поскольку все суды считались равными. Решение выносилось в краткой четкой формулировке и без малейших проволочек.

Между муфтиями, то есть юрисконсультами, существовали значительные расхождения в уровне подготовленности. Шейх-уль-ислам нес ответственность за назначения муфтиев в крупные города империи, где каждый из них становился помощником кадия. Перед этим муфтии обычно учились несколько лет в одном из медресе низшей категории. В небольших провинциальных городах муфтии отличались слабой подготовкой или вовсе ее отсутствием, в деревнях же их роль играли представители местного духовенства, имамы, учителя медресе или даже просто умудренные опытом старики, приобретающие такой статус на основании прошения односельчан. Когда кадий или простой горожанин нуждался в разрешении правового вопроса, требовавшего обращения к нормам шариата, они шли за помощью к муфтию, в функции которого входило гипотетическое истолкование дела. Сторонам давали условные имена, такие, как Зейд, Амр или Бекир – для мужчин, и Хинд или Зейнаб – для женщин. В наиболее важных случаях муфтий мог воспользоваться соответствующими цитатами из Корана, пособий ханафитской правовой школы или ссылкой на предание. Заключительный ответ, называемый фетвой, как правило, давался в лаконичной форме, часто просто «да» или «нет». Обычно он сопровождался словами: «Аллах лучше знает». Вот типичные примеры:

Вопрос: Если во время борьбы Зейда с Амром Зейд поднимет Амра вверх и швырнет на землю, в результате чего левая рука Амра будет сломана и станет совершенно бесполезной, что возлагается на Зейда?

Ответ: Возлагается половина цены за кровь (то есть денежной компенсации за убийство).

Вопрос: Зейд и Амр – капитаны. Ведя корабли темной ночью, они не могли видеть друг друга, их корабли столкнулись и затонули. Если Бекир, находившийся на борту корабля Зейда, утонул, должны ли его наследники сказать Амру: «Бекир утонул из-за столкновения с твоим кораблем» – и взять с Амра половину цены крови?

Ответ: Нет.

Иногда фетва формулировалась подробно и представляла собой аргументированный ответ, подкрепленный цитатами из священных текстов. В больших городах ведомство муфтия состояло из нескольких отделов, занимавшихся приемом запросов, их толкованием со ссылками на соответствующие книги, вынесением фетвы и рассмотрением дела с позиции кадия. Фетва разрешала спорное дело и, как правило, носила окончательный характер. Таким образом, многие частные лица, которые обращались в ведомство муфтия, оплачивая его услуги, могли идти в суд, имея при себе постановление муфтия. Это, наряду с доступностью канунов, означало, что каждый человек мог детально ознакомиться с правовой ситуацией, в которой находился, и в значительной степени обеспечить справедливое решение своего дела. Это означало также, что многие дела можно было и вовсе не доводить до суда кадия, а решить приватным образом. В ряде обстоятельств это случалось часто. Например, каждая социальная группа – будь то городской цех ремесленников или деревенский совет – имела свою собственную организацию, которая разбирала внутренние споры и шейх которой отправлял правосудие. В тех регионах империи, где господствовала правовая система, отличная от ханафитской, пользовавшейся предпочтением осман, население, естественно, более склонялось к обращению со своими проблемами к местному муфтию, умудренному опытом и знающему местные условия. Наконец, имелись определенные нарушения обычаев, за которые следовало наказание без передачи дела в суд. Эта практика была особенно распространена среди кочевников, которые в случаях прелюбодеяния, невоздержанности или кровавых драк применяли смертную казнь немедленно.

Те преступники, виновность которых была доказана судом кадия, подвергались различным наказаниям: от смертной казни до отрубания руки, порке или побиванию камнями, заключению в тюрьму или ссылке, денежным штрафам, публичному порицанию кадием и др. Между тем отношение к убогим, слабоумным и юродивым людям отличалось необыкновенной гуманностью: считалось, что они не могут нести уголовной ответственности. Быстрые и порой суровые наказания, эффективная деятельность стражи и коллективная ответственность социальных групп за преступления, совершаемые в их среде, способствовали большей частью соблюдению закона и чрезвычайно низкому уровню преступности. Видимо, правосудие в отношении простонародья осуществлялось с большей неотвратимостью, если не суровостью, чем в отношении знати. Когда же диван султана выполнял функции суда, разбирая преступление знатного человека, заслуживающее смертной казни, это происходило обычно без ведома указанного лица. Если подсудимого признавали виновным, то направляли посыльного с приговором суда к сановнику, ближайшему по иерархической ступени к подсудимому, облакая его полномочиями привести приговор в исполнение. Осужденный быстро прощался с земными делами, примирялся с волей Аллаха и отправлялся на тот свет. Его отрубленная голова вручалась ожидавшему посыльному для передачи султану в качестве доказательства исполнения приговора. Утверждается, что ко двору Сулеймана Великолепного за один день доставлялось не менее сорока отрубленных голов.

Еще один способ уладить дело состоял в обращении к султану с петицией в надежде получить фирман – монарший указ – в свою пользу. Петиции и доклады, заслуживающие внимания суверена, зачитывали на заседаниях дивана, а в случае необходимости заслушивали и устные представления. О менее важных делах докладывали на заседаниях дивана под председательством великого визиря. После обсуждения принималось решение, о нем информировали чиновников менее высокого ранга, и оно служило основой для формулировки подлежащего публикации указа. Иногда указы составляли и отправляли подателю петиции немедленно. Это происходило в тех случаях, когда великий vizирь или некоторые другие сановники имели полномочия принимать решение без согласования с вышестоящей инстанцией, но в этих случаях, как правило, составлялся проект указа, просматривавшийся и правившийся высокопоставленным чиновником, а в случае особой важности даже самим

султаном. Независимо от того, принимал султан участие в их составлении или нет, такие указы формулировались в виде прямой речи монарха. Обычно они начинались с разъяснения ситуации, требовавшей урегулирования, далее следовало решение по ней султана, порой с выражением его отношения к ситуации и напоминанием о том, как следует поступить по справедливости и в соответствии с обычаями. Наконец, формулировалась декларация, подчеркивавшая важность вопроса и содержащая указание, что повеление должно быть выполнено без промедления с последующим уведомлением об исполнении. В указ включалась также угроза о наказании за нарушение его положений. Затем проект указа переписывали набело, сверху ставилась монаршая печать – тугра, после чего отсылали по адресу. Если султан был в отлучке, бланки с тугрой для составления указа выдавал великий визирь, оставленный управлять в Стамбуле. Таким образом, указы выходили без задержки, оригиналы размножались в качестве официального документа четко и по-деловому.

Не все указы касались частных нужд. Те, что относились к военной и государственной сферам: обеспечение общественной безопасности, подавление восстаний, набор на воинскую службу, мобилизация и развертывание войск, пожалование земельных наделов или назначение и оценка работы чиновников – адресовали генерал-губернаторам провинций или губернаторам областей. Указы по финансовым вопросам, особенно связанным с правительственными расходами, отсылали казначеям провинций или областей. Указы же, для исполнения которых требовались властные полномочия и знание закона – например, по таким вопросам, как захват, мятеж или преступления иного рода, а также определение статуса и местонахождения немусульманской святыни, – направлялись губернатору или судье области. Другие указы могли адресовать муфтиям, командирам воинских частей и любым чиновникам, наделенным соответствующими полномочиями. Все, кто получали указы, были обязаны их немедленно исполнить. Например, просьбу о расследовании незаконного установления труб и кранов с целью отвода воды из общественного водоема на частные нужды следовало отсылать главному смотрителю водоканала и кадию Стамбула; повеление о призывании к порядку браконьеров, удивших султанскую рыбу в водоеме близ Бурсы, направляли кадию этого города. Кадью Стамбула адресовалась жалоба на реквизиции для почтовых курьеров лошадей и мулов, принадлежавших гостям караван-сарая с присовокуплением, что это вселяет в покупателей лошадей страх потери доходов, и резким заключением: «Надо с этим кончать!» Генерал-губернатору Египта отослали декрет с повелением обеспечить 150 носильщиков для доставки камней и бревен с целью восстановления акведука, поврежденного наводнением 1564 года.

С течением времени происходил упадок во всех сферах правосудия. Повеления не всегда исполнялись, а судьи стали набивать карманы посредством взимания непомерных штрафов и взяток. Суровые наказания стали выносить скорее для острастки, чем в качестве возмездия за преступление. Возникла нужда в гребцах галер, и туда стали посылать многих преступников, заслуживавших другого наказания, таких, как бунтари в мятежных провинциях, которые еще не совершили преступлений, осуждаемых шариатом. Однако когда система в состоянии неотвратимого упадка допускала несправедливость и произвол, то это происходило скорее из-за деградации управленческих органов, чем из-за несовершенства самих законов. Институт права оставался одним из главных достижений империи.

Есть арабское изречение, авторство которого приписывают самому пророку: «Всемогущий Аллах говорит: у Меня есть армия воинов, которых Я назвал турками. Когда Я гневаюсь на людей, то напускаю на них турок». Репутация турецкой армии в течение столетий покоилась на традициях абсолютного бесстрашия и безоговорочного подчинения, и эти качества полностью относятся к двум, казалось бы, совершенно разным ее составным частям: феодальным формированиям свободных мусульман и корпусу янычар, состоявшему из рабов-христиан. В феодальное ополчение входили в основном латники и всадники –

сипахи, которым были дарованы земельные наделы, обрабатывавшиеся крестьянами. Собственники владели последними по сеньориальному праву и собирали с них подати. Взамен землевладельцы должны были служить в армии либо по принципу чередования, либо когда их призывали идти в поход. Причем исходя из своего статуса и размера земельного владения они брали с собой одного или несколько дружинников, хорошо вооруженных и верхом на конях. Они сопровождали господина весь срок его службы. В мирное время некоторые из них привлекались к службе в страже. Ни один из этих дружинников не проходил основательного военного обучения, но они воспитывались в традициях умелого обращения с оружием, владения искусством верховой езды и отличались смелостью. Их земельные владения переходили к сыновьям. Даже если сын был несовершеннолетним, он все равно вступал в права владения землей и посылал служить вместо себя латников, пока не мог по малолетству явиться на службу лично. Иногда за выдающуюся храбрость или долгую верную службу даровались новые земельные наделы. Иногда землевладельцев лишали части земли временно или постоянно, если полагали, что их поведение заслуживает наказания. Часть земельного фонда предусматривалась не для награждения отдельных солдат, но для обеспечения средств на такие специфические цели, как поддержание и снабжение крепостей и их гарнизонов. Во время войны одному из десяти сипахи позволялось оставаться в своем имении, чтобы поддерживать порядок в сельской местности, а тем, которые участвовали в походе, разрешалось возвращаться домой, когда их воинская часть располагалась на зимовку. Отпуск предоставлялся им для того, чтобы они смогли собрать со своих крестьян десятины и подати – ведь урожай с земли, которой они владели, был единственным источником их дохода. За счет него они обеспечивали себя во время мира и войны.

Кроме того, в армии служили аскеры – солдаты, владевшие небольшими земельными наделами, которые сами же и обрабатывали. Призывался в армию только один из четырех-пяти таких землевладельцев, в то время как остальные обеспечивали его на время службы. Такие аскеры освобождались от налогов, а в армии выполняли вспомогательные функции. Кочевники – юрюки – в сельской местности платили пастушеский налог и привлекались наряду с аскерами к строительству дорог, рытью окопов, перевозке оружия и продовольствия, литью пушечных ядер. В феодальных формированиях служило определенное число добровольцев, часть из которых шла на войну ради грабежа, но были также христиане-отступники, которые, приняв ислам, сражались и продвигались по воинской службе до тех пор, пока их способности и беспощадность в отношении бывших братьев во Христе не доставляли им высокого чина. В армии, не придававшей значения происхождению человека и открывавшей неограниченные возможности для карьеры по способностям, насчитывалось не менее двенадцати крупных военачальников и четырех прославленных адмиралов, которые были христианами – отступниками.

Другая категория военных – янычары – включала молодых людей, набранных путем девширме (набора) и признанных по своим физическим данным и склонностям пригодными для воинской службы. Их возвращали в Стамбул из Анатолии, где они, живя в турецких семьях, работали на крупных анатолийских землевладельцев, и испытывали на пригодность к выполнению других обязанностей. Часть из них брали на службу султану – в команды садовников или устроителей палаточного лагеря, а также в некоторые учреждения. Другие поступали в корпус оружейников, подразделения которого дислоцировались в столице и провинциях. В обязанности корпуса входило производство и ремонт оружия и снаряжения, охрана во время боевых действий армейских обозов и воинских складов. Третьи обеспечивали транспортировку артиллерийских орудий или служили артиллеристами. Их начальник материальной части заведовал арсеналом и пороховыми погребами. Некоторых одаренных молодых людей брали на службу в адмиралтейство, других, с более скромными способностями, нанимали на работы ко всякому, кто в них нуждался. Но больше всего молодежи

поступало служить в грозный корпус янычар, наемных воинов, который являлся самым эффективным орудием султана. Корпусом командовал ага янычар, который одновременно служил главой стражи Стамбула и участвовал в заседаниях дивана. Он сопровождал султана в военных походах и командовал его войсками. Ему помогал совет из пяти высокопоставленных офицеров. Армия янычар состояла из определенного числа подразделений, каждое из которых во время войны располагало собственными казармами или большой палаткой с отличительным знаком: ключом, якорем, рыбой или флагом, а некоторые янычары делали соответствующую татуировку на руках или ногах. В казармах, включавших кладовки, кухни и спальные помещения, размещались также офицеры, писари и муллы. Такая казарма служила янычарам родным домом, их жизнь была накрепко связана с подразделениями, в которых они служили. С детства оторванные от своих семей, лишённые права жениться, заниматься торговлей – к чему они, собственно, и не были приспособлены, – янычары жили одной лишь войной, а в мирное время сторожевой службой. Они владели всеми видами оружия, проявляли особенное искусство в стрельбе из лука, а позднее – из стрелкового оружия. За поясом у них всегда был кривой кинжал.

Церемония принятия в корпус воспринималась новичками как чрезвычайно почетное мероприятие. Они строились в шеренгу и по сигналу мчались в штаб своего отряда, где юноша, прибежавший первым, назначался старшим группы набора соответствующего года. После вечерней молитвы происходил официальный прием в янычары: младшие офицеры надевали на головы новичков тюрбаны и укутывали их в плащи из грубой ткани. Затем каждый новичок шел целовать руку офицера, ответственного за казарму. Тот приветствовал его обращением «ёлдаш» – соратник. Если во время войны происходил поспешный прием, время церемонии несколько сокращалось: рекруты проходили перед агой янычар, а старший сержант записывал имя каждого новичка и, похлопывая его по затылку, говорил: «Ты направляешься в роту №...». Выше преданности султану была лишь верность товарищам, и воины, проживавшие в одной казарме, считали самым важным клятву на подносе с солью, Кораном и мечом. Даже больше, чем штандарты подразделений, почитались ими огромные медные котлы, по два-три на казарму, в которых варилась еда – рис и вокруг которых они сидели по вечерам. Если во время сражения хотя бы один из котлов был потерян, всех офицеров казармы с позором изгоняли и больше не принимали в это подразделение, а то и на армейскую службу вообще. Как обычно, звания имели мало отношения к исполнявшимся обязанностям: все офицеры, за исключением знаменосца, имели звания, связанные с обеспечением продовольствием. Старших офицеров называли столовыми, двух офицеров рангом ниже – поваром и главным поваренком, далее следовали старший казармы, квартирмейстер, водонос и черный поваренок. Военные повышались по службе в соответствии с этими званиями. По мере того как росла численность янычар, они становились все более строптивыми и неуправляемыми. Когда янычары отказывались есть суп, приготовленный для них после сторожевой вахты у дворца, поддавали котлы ногами, власти понимали, что назревает бунт, и стремились успокоить янычар, прежде чем прорвется их недовольство. Янычары требовали права одобрять восшествие на престол каждого султана. Когда в 1481 году Баязет II купил их поддержку своих спорных претензий на трон, янычары расценили его «подношение» как прецедент и добивались таких даров от всех последующих султанов под угрозой отказа поддержать очередного монарха. Янычар так боялись, что каждое выражение их недовольства заканчивалось удовлетворением претензий.

В воинской форме янычара особенно выделялся головной убор. По преданию, первую группу рекрутов-христиан направили для благословения хаджи Бекташу, основателю ордена дервишей-бекташей. Когда хаджи возлагал длань на головы рекрутов, благословляя их, его рукав ниспадал с их шапок, поэтому янычары стали носить шапки, с которых свешивались длинные полосы ткани, имитирующие этот рукав. Янычарам, вызвавшимся выполнять осо-

бенно опасные задания и оставшимся после этого живыми, разрешалось носить особый тип головного убора, который свидетельствовал об их исключительной храбрости и давал дополнительный повод для важничанья. Когда группа таких наглых головорезов требовала не только еды и питья, но также «платы за зубы» – денежную компенсацию за износ зубов при пережевывании пищи, – от напуганных обывателей едва ли можно было ожидать сопротивления. Султан Сулейман был формально записан в первый полк янычар и получал вместе с ними в день зарплаты деньги от командира полка скорее в знак солидарности, чем из желания отождествить себя с ними.

Дервиши ордена бекташей, о связях которых с янычарами с давних пор ходят легенды, так прикипели к корпусу, что в 1591 году орден фактически стал филиалом 99-го тюмена, а шейх ордена получил звание столового. Восемь дервишей направили в казармы Стамбула сотни тюмена молиться за империю и ее армию. Они шествовали перед агой янычар во время парадов и церемоний в зеленых одеждах, и старший из них кричал: «Аллах керим» («Аллах милостив»). Другие же дервиши издавали голосами громкие и протяжные звуки: «Хуууууууу» («Хе»).

Поскольку янычары исключительно воевали и несли сторожевую службу, их обслуживали ремесленники, среди которых были сапожники и цирюльники, изготовители седел и луков, медных и оловянных дел мастера, свечники, кузнецы, башмачники, продавцы специально приготовленных овечьих голов и множество других специалистов. Многих ремесленников нанимало и оплачивало государство, а в случае объявления войны старший офицер-янычар подбирал определенное число ремесленников сопровождать войска и обеспечивать их необходимыми товарами и услугами.

Армии феодального ополчения и янычар даже среди врагов славились строгой дисциплиной и порядком в военных лагерях. Как только штандарты с конскими хвостами были установлены на равнинах Давуд-паши или у Ускюдара, символизируя намерение совершать походы в Европу или Азию, а следовательно, призыв к оружию, турки «собирались сообща на войну, как будто их приглашали на свадьбу». Успеху турок в битвах способствовали упорядоченность и воздержанность во время жизни в военных лагерях, бережное отношение не только к солдатам, но и к лошадям, которые составляли гордость и значительную часть мощи армии. На марше и поле сражения солдат сопровождали команды водоносов и санитаров, не упускалось из виду ничего, что могло способствовать их бодрому настроению и высокому боевому духу, потому что это была профессиональная армия, и с самых первых дней существования империи вплоть до XVII века она ежегодно совершала военные походы. Султан, назначив каймакама – вице-губернатора – управлять столицей в свое отсутствие, отбывал из Стамбула и в сопровождении великого визиря и придворных скакал верхом впереди своей армии. Обычно план кампании заключался в том, чтобы выступить в поход поздней осенью и остановиться на зимовку там, откуда можно было нанести по противнику удар. За весенними сражениями следовали операции по зачистке захваченной территории от войск противника. Армия стремилась вернуться домой летом, к первому урожаю. Наиболее распространенным оружием для рукопашного боя служили заточенные с одного края сабли, искривленные к острому концу, полностью кривая сабля, ятаган в виде сабли, но сильно укороченной и заточенной с внутренней стороны на изгибе лезвия, рапиры и кинжалы. Вдобавок с обеих сторон луки седла всадников закреплялись боевые топоры и пики. К этому вооружению впоследствии прибавились ружья, пистолеты и карабины.

Флот, укрепившийся в лучшую пору империи – основа мощи армии, – оставался менее организованным. На раннем этапе существования империи жители подвластных султану приморских территорий занимались главным образом морской торговлей и пиратством, особенно в отношении кораблей неверных. Когда же султан, подобно многим правителям, решил, что империя нуждается в сильном флоте, и стал строить корабли за счет своей казны,

опыт людей, поднаторевших в пиратстве, сослужил хорошую службу для укомплектования кораблей флота командами опытных моряков. Завоевание Стамбула и подчинение побережья Черного моря выявили задачи более важные, чем охрана прибрежной акватории. Флот высвободился для операций в Эгейском и Средиземном морях. Выучка экипажей кораблей и военно-морская мощь в целом возросли до такой степени, что в 1522 году стало возможным выдворить с острова Родос рыцарей ордена Святого Иоанна, откуда они много лет совершали нападения на турецкие корабли и набеги на малые прибрежные города. Примерно в это же время выдающийся корсар Барбаросса начал совершать свои успешные военные экспедиции, в одной из которых он с изумлением обнаружил, что завоевал Алжир. Корсар попросил у султана помощи, которая подоспела к нему вместе с титулом бейлербея – генерал-губернатора – провинции Алжир. Так провинция из рук Барбароссы перешла во владения султана. Вскоре к ним добавились еще две североафриканские провинции – Тунис и Триполи, затем был завоеван Кипр. Между тем другие османские корабли производили захваты в Индийском океане. Турки овладели большей частью Йемена, правда, их мощь в прилегающей акватории океана уступала мощи португальского флота, также совершавшего завоевания в этом регионе.

В 1533 году Барбароссу отозвали в Стамбул наблюдать за строительством кораблей большего водоизмещения на огромных судоверфях и создавать более организованный флот. В начале следующего года ему было присвоено звание капутан-паши и отданы во владение острова Эгейского и Средиземного морей, за то что он, в свою очередь, создал команду военно-морских сипахи и позднее предоставил оснащенный, в том числе и укомплектованный экипажем, военный корабль.

Корабли, которые турки классифицировали в соответствии с итальянской традицией морской державы – Генуи, представляли собой частью галеоны, частью галеасы с водоизмещением 1500–2000 тонн. Это были высокие, длинные судна. Жерла пушек торчали из бортовых отверстий над нижней и верхней палубами. Для управления такими кораблями, помимо мачт и парусов, использовалось несколько рядов весел, каждый из которых требовал определенного числа гребцов. Наиболее распространенными были галеры, которые тоже имели паруса, однако во время сражений поднимали их очень редко. Галеры представляли собой продолговатые, узкие и легкие судна с весьма низкими бортами. В носовой части устанавливалась одна пушка крупного калибра, а в средней – 2–4 пушки на платформе. Гребцы, прикованные цепями за ноги, сидели обычно по трое за одним веслом. С каждого борта судна гребли 26 веслами. Надсмотрщик с хлыстом держал в поле своего зрения первый ряд гребцов и задавал темп гребли. В ходе сражения корабль маневрировал при помощи весел таким образом, чтобы его острый, выступающий вперед нос мог протаранить другое судно либо развернуться так, чтобы матросы смогли перебраться на борт атакованного судна. Галеры были слишком легкими и имели слишком низкие борта для плавания при штормовой погоде в бурном море, но они прекрасно преодолевали опасности мелководья или проникали в лагуны и реки. Многие города, расположенные по побережью мелководных заливов, куда не могли войти большие военные корабли, ощущали себя в безопасности и не утруждались наблюдением за выкрашенными в черный цвет судами, стоявшими в море в дневные часы, поэтому нередко бывали застигнуты врасплох среди ночи внезапными атаками мародеров, которые после разграбления и разорения городов уходили в море, прежде чем горожане могли позвать на помощь своих солдат.

Талант некоторых выдающихся флотоводцев не подкреплялся, однако, хорошо обученными моряками. Природа войны того времени требовала большого числа гребцов и воинов, те же, что имелись в наличии, как правило, не отличались большим усердием. Гребля представляла собой тяжелое и неблагодарное занятие. Команды гребцов постоянно пополнялись за счет преступников, наказанных работой на галерах, и в первую очередь военнопленными,

захваченными на кораблях противника. Воинов набирали отовсюду, и они редко подходили для выполнения поставленных задач. Прежде всего использовали греков, албанцев и далматинцев, но они оказывались ненадежными. Для морских десантов привлекали ополченцев и турецких кочевников, но они привыкали к службе в условиях моря с трудом, к тому же легко поддавались соблазну разбоя и грабежа. Постепенно стали использовать отряды янычар или сипахи из владений капутан-паши, хотя они никогда не достигали уровня организованности и надежности сухопутных сил. Но особая нужда ощущалась в хороших морях, поднаторевших в навигации, умеющих пользоваться компасом и водить корабли при сложных метеорологических условиях, ориентируясь по звездам, преодолевая мелководье, и знающих о морских течениях. Немало кораблей выходили в море с совершенно неподготовленными экипажами, когда же в годы упадка назначение на должность капутан-паши стало прерогативой двора, а сам капутан-паша и его помощники стали подкупать придворных, флот почти перестал выходить в море. Ежегодные же летние походы кораблей зачастую вселяли страх в жителей портов и островов, которые посещал флот.

Время упадка дворцовой жизни и армии пришло, конечно, не сразу. Распад прежде упорядоченной и стабильной системы начался, видимо, после того, как султан утвердился во власти при довольно устойчивом государственном устройстве, и даже до того, как империя достигла наибольших территориальных владений. Распад происходил почти незаметно и так медленно, что самая сжатая его характеристика требует анализа исторического периода длительностью почти 400 лет. С постепенным прекращением девширме (набора рекрутов) дворцовые школы переходили на прием детей знати или сыновей отставных придворных сановников, даже сирот и детей бедняков, проявивших какие-либо способности. Все это были свободные мусульмане, они утратили, служа султану, чувство беззаветной преданности, которое отличало их предшественников. В городских условиях янычары, как правило, вели себя вызывающе и строптиво, но на полях сражений всегда проявляли отвагу и стойкость. Их дисциплина тоже пострадала от прекращения девширме, когда открылся прием турок в корпус янычар. Этому способствовали и другие новшества. Разрешение янычарам жениться, заниматься ремеслами и торговлей отвлекало их от военной службы. На службу в корпус стали отправлять мятежные элементы, чтобы лишить их возможности устраивать заговоры. В результате воинство, когда-то гордившееся боевым братством, опустилось до уровня дезорганизованной банды. Связь корпуса с армией выражалась лишь в предъявлении властям книжек учета зарплаты, которые янычары порой продавали или отдавали в залог. Власти во время мобилизации могли ожидать от них любого неприятного сюрприза.

О стабильности империи, продемонстрировавшей как гибкость в отношении человеческого фактора, так и прагматичность администрирования, свидетельствовал статус подневольных немусульман, то есть христиан и евреев. Исходя из принципа «повинную голову меч не сечет», мусульманам предписывалось щадить приверженцев монотеистических религий, предшествовавших исламу, при условии, что те будут платить подушный налог и не причинять беспокойства. Для немусульман были установлены определенные нормы, главным образом имеющие целью предупредить их провокационное или агрессивное поведение в отношении мусульман и обеспечить быструю выплату податей. Взамен им предоставлялись гарантии безопасности жизни, неприкосновенности имущества, религиозной свободы. Эти религиозные общины, называвшиеся «просом», пользовались поразительной степенью автономии в своей деятельности. Общинами руководили их главы, опирались на собственные законы, поскольку нормы шариата к представителям этих общин не применялись, за исключением тех случаев, когда упомянутые законы вступали в противоречие с нормами шариата – тогда кадий прибегал к использованию именно этих норм. Главы общин несли ответственность перед турецкими властями за поведение своих единоверцев и за сбор нало-

гов. Во главе православной церкви стоял патриарх, который для участия в церемониях получал звание паши, штандарт с тремя конскими хвостами и который использовал для управления своей паствой не только слово Божье, но и здания суда и тюрьмы в Стамбуле. Евреи, поставлявшие властям врачей, переводчиков и разного рода ученых, сплотились под руководством главного раввина. Евреи и армяне, представители небольших сект, исключались из девширме (набора рекрутов), который представлял единственный случай вмешательства турок в жизнь «проса». Иногда власти вмешивались для защиты членов общин от злоупотреблений их собственных пастырей. Бывали случаи также, когда власти считали необходимым напомнить некоторым представителям «проса» об их подчиненном статусе, хотя это не носило характера преследования, а предпринималось больше для успокоения некоторых ретивых и агрессивных групп мусульманской общины. В целом дела «проса» оставались во власти его глав, и это окупалось готовностью немусульманских народов к сотрудничеству и их послушанием.

Глава 3 РЕЛИГИЯ И СУЕВЕРИЯ

Религия турок – ислам, который они приняли, продвигаясь на запад через завоеванные арабами территории. Чтобы стать мусульманином, то есть исповедовать религию ислама, нужно только произнести формулу: «Свидетельствую: нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк Его». Чтобы оставаться верующим, надо соблюдать четыре дополнительных правила: выполнять пять ежедневных намазов (молив), подавать милостыню бедным, соблюдать пост в священный месяц Рамадан и совершить по возможности паломничество в священный город Мекку в Аравии. В религиозном смысле ислам прост для восприятия: в нем отсутствует апостольская преемственность, любой человек может стать имамом или руководить молитвой верующих, не допускается священства, поскольку между Аллахом и верующим в Него не может быть посредника. Тем не менее, на жизнь мусульманина и его образ мыслей воздействует огромное количество религиозных установлений.

Священной книгой ислама является Коран, который открылся Мухаммеду (570–632 гг. н. э.). Эта книга наряду с собранием хадисов – преданий, кодифицированных в IX веке, представляет собой основу мусульманского права. Пользуясь этими религиозными источниками – хадисы призваны выразить точку зрения пророка на множество разнообразных вопросов, – правоведы и религиозные лидеры могли найти посредством аналогии или прецедента решение для возникавших правовых, социальных и религиозных проблем в соответствии с принципами четырех великих правовых школ, к которым они принадлежали. Таким образом, законы и обычаи, взращенные на религиозной почве, образовали определенный образ жизни, так что мусульманин в любое время и при любых обстоятельствах знал или мог узнать, что подпадает под такие категории, как «запрещено», «не одобряется», «разрешено», «рекомендуется», «обязательно».

К XVI веку основные предписания ислама представляли собой огромное число формул, регламентирующих поведение самым подробным образом. Пять ежедневных намазов могли совершаться где угодно, за исключением полуденного намаза в пятницу, требовавшего участия в коллективной молитве верующих. Большое число людей в это время ходило в мечеть, либо в небольшую местную, либо в большую соборную. Она представляла собой просторное, обычно под куполом, помещение, достаточное для того, чтобы вместить верующих всего квартала на полуденную пятничную молитву. В середине одной из стен мечети имелась ниша – михраб, указывающая направление на Мекку, а справа от нее располагался минбар – кафедра проповедника. Поскольку в процессе богослужения требовалось принять распростертые положения на полу, в мечети отсутствовали сидячие места. Каждая мечеть имела один или несколько минаретов – тянущихся вверх башен с балконами, пробраться к которым позволяли внутренние лестницы. Во двореке был фонтан или, обычно, большой водоем, облицованный мрамором, с желобами для проточной воды.

В число служителей мечети входил имам – неофициальный глава местной мусульманской общины, в обязанности которого входило руководство пятничной молитвой. Далее следовали ваиз – проповедник; хафиз, читавший выдержки из священной книги; хатиб, обращавшийся с проповедью во время пятничной молитвы и с призывом к Аллаху защитить султана и его семью; муэдзин, обращавшийся с эзаном – призывом к молитве, который разносился над крышами домов верующих. В небольшой мечети все эти функции выполнял один человек.

Пять раз в день, на рассвете, сразу после полудня, в середине промежутка между полуднем и вечером, сразу после заката и с наступлением темноты, муэдзин поднимался

наверх по лестнице минарета и с галереи на четыре стороны света последовательно обращался с призывами к верующим четыре раза: «Аллах велик. Свидетельствую: нет Бога, кроме Аллаха. Свидетельствую: Мухаммед пророк Его. Идите к молитве. Идите к спасению. Нет Бога, кроме Аллаха». На заре муэдзин добавлял: «Молитва лучше сна». Услышав призыв муэдзина, верующий бросал все дела или поднимался с постели и, если не предпочитал молиться дома, отправлялся к фонтану мечети. Там он совершал ритуальное омовение. Верующий умывался, полоскал рот, промывал нос, уши, шею, руки, предплечья и ноги. После этого он направлялся к двери мечети, где снимал обувь и оставлял ее либо снаружи, либо аккуратно ставил ее рядом с обувью других верующих на полку внутренней стороны двери. (Немногие проступки считались более предосудительными, чем кража обуви у мечети.) Затем, повернувшись в сторону Мекки, мусульманин обязательно произносил предварительное заклинание о намерении молиться, начинал произносить выдержки по-арабски из священного текста и сопровождать это строго установленными движениями головой, руками и телом. Допускались лишь три небольшие вольности, такие, как кашель или некоторые неловкие действия. Кроме того, молитвы возобновлялись несколько раз и совершались в состоянии абсолютного благоговения. Во время определенных молитв лепестки 99 бутонов роз, первоначально использовавшихся для перечисления девяноста девяти имен Аллаха, пропускались сквозь пальцы. Женщинам не позволялось участвовать в коллективной молитве, их собрания проводились в отдельных галереях или за перегородками. В любом случае их укрывали от взглядов мужчин.

После молитвы наиболее важным долгом мусульманина считалась раздача милостыни. Ее размер зависел от того, что оставалось у человека после выплаты долгов, расходов на содержание семьи. Милостыня (благотворительность) включала дарение дома, мебели, одежды, рабов. Дарились также доспехи и оружие, книги, научный и медицинский инвентарь, ремесленные инструменты. Размер милостыни варьировался от одной пятой до сороковой доли имущества, в зависимости от того, представляло ли собой имущество плоды, выращенные на земле, животных, на которых расходовался фураж, золото и серебро или какие-либо товары. В дополнение к этой форме взимания средств поощрялась щедрость мусульман в пожертвованиях денег. Они шли на содержание бедных, выкуп рабов, освобождение должников, поддержку священнослужителей, оказание помощи путешественникам, финансирование священных войн и вознаграждение сборщиков милостыни.

Пост тоже строго соблюдался. Священный месяц Рамадан официально начинался с того момента, когда впервые замечено появление новой луны. Свидетельство какого-нибудь мусульманина-соседа о том, что он видел ее, считалось достаточным для провозглашения поста. Затем 29 дней все мусульмане, достигшие половозрелого возраста и находящиеся в добром здравии, должны были поститься весь день с рассвета – «времени, когда можно отличить белую нить от черной», – до заката. Действовал запрет на еду, питье, даже на непроизвольное глотание слюны, курение и всякий другой вид удовольствий. Поскольку мусульманский год исчислялся по лунному календарю, месяцы сдвигались на разные сезоны, и, когда Рамадан выпадал на жаркое лето, верующие особенно страдали от жажды.

Долг каждого мусульманина, если он был не слишком беден или болен, состоял в совершении паломничества, хотя допускалось, чтобы тот, кто не в состоянии этого сделать, посылал вместо себя и за свой счет другого человека, который обязался совершать свое паломничество в соответствии с пожеланиями спонсора. Порой богатые люди оплачивали расходы бедных паломников с целью духовного и материального приобщения к путешествию в святые места. Паломничество требовало присутствия пилигрима в Мекке в начале двенадцатого месяца. Оно начиналось в праздничной обстановке гораздо раньше этого срока, дата отбытия зависела от расстояния между местом проживания паломника и Меккой. Путники проходили через необитаемые, пустынные территории, через земли, насе-

ленные воинственными племенами, которые «не сеяли ни проса, ни пшеницы, ожидая прохождения паломников, чтобы собрать богатую добычу». Вот почему в целях удобства и безопасности путешественники ходили группами, стараясь примкнуть к другим, более внушительным группам и большим караванам из Египта, Сирии, Ирака и Йемена. Эти стекающиеся ручейки путников превращались в могучую реку, которая некоторое время пережидала на высотах, обращенных к святому городу, а затем устремлялась в долину, где он располагался.

По благополучном прибытии к цели своего опасного путешествия паломник совершал омовение и молился, затем надевал специальное облачение – ихрам, которое состояло из двух полотен хлопковой, холщовой или шерстяной ткани без орнамента. Одно полотно он оборачивал вокруг бедер и поясницы, другое перебрасывалось через левое плечо и проходило под правой подмышкой. Ступни были совершенно оголены, голова непокрыта. Женщины заворачивались в гладкую ткань, наглухо закрывая лицо. Затем паломник поворачивался лицом к Мекке, произносил заклинание о своих намерениях, которое предшествовало всем религиозным ритуалам, и спускался с высот в город с причитаниями и пением. Прежде всего паломник посещал Каабу – большое сооружение в форме куба, которое, по преданию, было воздвигнуто Адамом на том месте земли, которое находилось как раз под таким же сооружением на небесах. По другой версии, Каабу соорудил Аллах, построив вокруг Мекку, окружив затем город святой землей и, наконец, создав вокруг всего этого остальной мир. Кааба задрапирована тканью интенсивного черного цвета с орнаментом из золотистых полос и густой вязи стихов из Корана. В ее юго-восточном углу, рядом с дверью, установлен Черный камень, вероятно метеорит, который был объектом поклонения в доисламские времена, а теперь считается глазом Аллаха на Земле и Его рукой, которая благословляет каждого, кто к ней прикоснется. Паломник вступает за ограду вокруг Каабы правой ногой, движется вперед и целует Черный камень. Затем он семь раз проходит вокруг Каабы в направлении, противоположном движению часовой стрелки, останавливаясь для того, чтобы снова поцеловать камень. В Мекке совершаются несколько других обрядов. Некоторые из них весьма древние, но принятые мусульманством. Один из них – посещение колодца Земзем, который находится в мечети и вода которого обладает магическими свойствами. Затем паломник совершал шестичасовую прогулку на гору Арафат для обязательного присутствия на проповеди, читавшейся в полдень девятого дня месяца и являвшейся одним из самых торжественных этапов паломничества. Потом паломник следовал в Мину, где снова, согласно древнему языческому обряду, бросал семь камней в каждый из трех столбов, один из которых назывался Большой дьявол.

Кульминацией паломничества становился праздник жертвоприношения. В это время животные – ягненок, козленок, теленок или верблюжонок, в зависимости от того, какое из них мог себе позволить паломник, – помещались на землю стреноженными передними ногами в сторону Мекки. Затем животному перерезали горло, верблюжонок закалывали ножом. Хотя этот обряд не считался обязательным, он стал неотъемлемой частью заключительного этапа паломничества, и в этот день, десятый день двенадцатого месяца, известный как Курбан-Байрам – праздник жертвоприношения, участник праздника, будь то паломник или мусульманин, находящийся в любом другом месте земли, использовал в качестве жертвы даже курицу, если не мог позволить себе ничего другого. На этом обрядовая часть завершалась, паломник обривал голову, переодевался в обычную одежду и продолжал свою обычную жизнь, поскольку период паломничества требовал строгого воздержания от всех удовольствий. Однако он получал компенсацию за воздержание в виде отпущения грехов на горе Арафат, в виде удовлетворения от выполненного религиозного долга, в виде радости общения с единоверцами из всех уголков исламского мира, солидарность которых служила к тому же мощной объединяющей политической силой. Наконец по возвращении домой

паломник мог с гордостью носить зеленую чалму в знак того, что он стал хаджи – человеком, совершившим паломничество. Ведь несмотря на то, что хадж (паломничество) предписывался всем мусульманам, сравнительно немногие предпринимали трудное и опасное путешествие, а благополучное возвращение паломника домой становилось предметом радости и гордости всей мусульманской общины.

Эти пять требований, «столпов ислама», были расцвечены народным воображением, разнообразием всяческих верований и обрядов, придававших чрезвычайно суровой официальной религии колорит, человечность и обаяние мистики. Принципы мусульманской веры выражены двумя фразами откровения, но верующие населили мир духами; и высшими среди них были ангелы, которые доставляли все повеления Аллаха: Гавриил принес откровение Корана самому Мухаммеду. Между ангелами и людьми располагались джинны, могущественные по своему сверхъестественному влиянию. Джинны были созданы из огня, они могли принимать любую форму или быть невидимыми. Подобно людям, они могли есть, пить и даже постепенно приближаться к смерти. Некоторые из них искренне веровали в Бога. Но другие, шайтаны, были неверными – ими руководил дьявол Иблис, такой же падший ангел, как Люцифер. Злые джинны причиняли много неприятностей: от злонамеренной подмены предметов до погружения человека в состояние демонической одержимости. Для избавления от нее требовалось заклинание. Чтобы освободиться от наваждения джиннов, произносили заговоры и носили амулеты. Кроме того, эти духи испытывали особый страх перед железом, настолько сильный, что для острастки любого притаившегося бесенка, незримое присутствие которого подозревается, достаточно было произнести громко это слово.

Многие народные поверья связывали со смертью, поскольку мусульмане верили в бессмертие души, воскрешение и Страшный суд, вознаграждение раем и наказание адом. Существовало поверье, что, когда затихали последние звуки шагов похоронной процессии, в гробнице появлялись два демона, Мункар и Некир, и тело покойного временно воссоединялось с душой. Покойник садился и отвечал на вопросы демонов о своей вере. Если они не удовлетворялись ответами, то подвергали собеседника мучительным пыткам, если их убеждала искренность его веры, то собеседнику предоставлялась возможность упокоиться до последнего дня. В этот день совершался всеобщий сбор для Страшного суда. Когда же завершалась оценка добрых и злых поступков людей, представших перед Страшным судом, последние должны были пройти через мост, именуемый Сират – «более тонкий, чем волос, и острее, чем меч», – протянутый над адом и ведущий прямо в рай. Получившие благословение легко преодолевали путь верхом на баранах, которых принесли в жертву во время празднования Курбан-Байрама. Грешники срывались и падали вниз в бездонную кипящую пропасть. Поскольку они были мусульмане, Аллах своей милостью постепенно освобождал их, но грешники других вероисповеданий осуждались на вечное пребывание в аду. Младенцы проходили прямо в рай, не давая отчета о своих поступках. То же относилось к шахидам, мученикам, то есть к каждому воину, кто погиб в битве за веру, к каждому невинному человеку, погибшему от руки убийцы, умершим от дизентерии или чумы при условии, что они не пытались спастись от болезней, к утопленникам и погибшим от обрушения зданий. В раю их ожидали лишь счастье и радость, а также удовлетворение всех желаний. В раю мужчины и женщины получали самую высокую награду – лицезрение самого Аллаха.

Верили в то, что христианин мог обратиться после смерти в мусульманскую веру и что мусульманин, похороненный среди неверных, рискует утратить свою веру. Для перезахоронения таких покойников Аллах предоставляет 72 тысячи верблюдов, которые постоянно перевозят их тела в мусульманские могилы.

Заступничества Аллаха следовало добиваться молитвой, особенно повторением Фатихи (первой, начальной главы Корана): «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного. Слава Аллаху, Господу миров, держащему в Своем распоряжении день суда! Тебе поклоняемся и у Тебя просим помощи: веди нас путем прямым, путем тех, которых Ты облагодетельствовал, не тех, которые под гневом, не тех, которые блуждают». Заступничество Господа достигалось также посредством установки горящих свечей на могиле святого или подновления гробницы, создания фондов для молитвенных учреждений, жертвоприношения, для успеха которого требовалось пролитие крови. Кроме жертвоприношений в празднование Курбан-Байрама, пожертвования делали в связи с началом или окончанием рискованного предприятия, такого, как военный поход или путешествие, на случай таких важных моментов в жизни, как обрезание или приход невесты в дом жениха. Пожертвования делали для страховки от несчастного случая или болезни, во избежание опасности, пожара или чумы, против исполнения зловещих снов, по случаю постройки нового дома, коронации и в честь почетных гостей, во время кризисов или в знак благодарности.

Существовал, однако, еще один религиозный институт, влияющий на жизнь людей, – ордены дервишей. Большинство из них были созданы в XII–XIII веках мистиками, стремившимися приблизиться к Богу. Они образовывали братства с целью распространения того, что называли «тайными учениями» Мухаммеда, поскольку толкование этих учений наделяло особым авторитетом, в отличие от толкования хадисов, которое было доступно всем мусульманам. Тайные учения стали основой организации и ритуалов различных орденов, а унылая безликость официального ислама, проповедовавшего всего лишь подчинение далекому и деспотичному божеству, способствовала пополнению верующими этих религиозных сообществ, основанных на близких, товарищеских отношениях. Являясь чем-то средним между сектой, клубом и тайным обществом, ордена привлекали огромное число приверженцев, особенно из беднейших слоев населения. В самом деле, духовные лидеры орденов были святыми дервишами-покровителями многих цехов ремесленников. Популярность орденов была столь велика, что их называли «религией в религии» и «государством в государстве».

В обязанности членов ордена входило, прежде всего, беспрекословное подчинение шейху, главе ордена. За этим следовали обеты секретности и солидарности, присутствия на тайных собраниях, материальной поддержки ордена, ведения благочестивой жизни. В результате духовное и социальное влияние орденов достигало такого уровня, что некоторые из них становились потенциально важными союзниками, а еще чаще опасными соперниками как светской власти, так и официальных религиозных учреждений. Считается, что в ордена дервишей были вовлечены не менее 10 процентов мусульман, хотя в городах их число могло быть и намного выше. Примерно из 200 орденов, распространившихся во время расцвета этого религиозного движения в кварталах Стамбула, а также Медины и Мекки, одним из наиболее влиятельных считался орден Кадири, терпимость и блестящие проповеди приверженцев которого обратили в исламскую веру немало христиан и евреев. Выделялись также орден Рифаи, дервиши которого могли в состоянии транса ходить по раскаленным углям, глотать змей, а также протыкать и сечь себя холодным оружием без причинения увечий, поскольку слюна их шейха залечивала все раны; орден Каландари, дервиши которого бродили босиком как монахи нищенствующего ордена; орден Мавляви – самый аристократичный и интеллектуальный орден, приверженцы которого приходили в состояние экстаза, танцуя под музыку свирелей и удары бубнов, они пользовались таким авторитетом и уважением, что порой их приглашали на церемонию Опоясывания мечом султана. Но наиболее популярным среди турок считался орден Бекташи – буйный, энергичный орден, который допускал множество неортодоксальных послаблений, привлекательных как для христиан, так и для мусульман. Правила ордена разрешали употребление вина и других алкогольных

напитков, в его собраниях участвовали женщины, не носящие чадры, на условиях абсолютного равноправия. Новобранцы ордена принадлежали к текке – ложе, в рамках которой проводились не только религиозные церемонии, но и общественные собрания в обстановке всеобщего ликования и свободы, резко критиковавшиеся за свою моральную распущенность. Тем не менее, орден получил широкое распространение, он пользовался сильным влиянием как среди всех категорий ремесленников, так и в корпусе янычар.

Все святые и бродячие дервиши весьма почитались не только суеверным населением, но самим султаном из политических соображений и в угоду общественным настроениям. Дервишей допускали даже на заседания дивана, там они свободно давали свои благословения и рекомендации. Во время Рамадана и в другие священные дни дервиши входили в любой дом и по традиции везде встречали гостеприимство.

Кроме того, в жизни простых людей издавна важную роль играли народные верования. Многие места паломничества и поклонения, считавшиеся святыми с давних времен, по-прежнему посещаются как христианами, так и мусульманами. Некоторые из этих мест отличаются какой-нибудь природной особенностью: горным пиком, деревом, скалой необычной формы или горным ключом; другие – древними следами человеческой деятельности, такими, как архитектурные колонны, каменные барельефы или могильные курганы. Последние имели то общее с третьей и наиболее обширной группой памятников – гробницами, что все они считались могилами неких святых-чудотворцев. Некоторые из этих могил принадлежали еврейским пророкам, таким, как Ной, Иисус или Даниил, другие – святым из Корана, таким, как Хизр или Семь спящих отроков, третьи – древним племенным божествам, четвертые – основателям религиозных орденов. И то, что несколько гробниц приписывалось одному святому, не подрывало веру в подлинность каждой из них. Помимо этого существовали гробницы святых иного рода. К ним принадлежали проповедники, духовные учителя, отшельники, жившие уединенной созерцательной жизнью, а также воины, павшие в битвах за веру, дервиши, вдохновлявшие на бой войска и совершавшие необыкновенные подвиги – сражавшиеся с врагами деревянными мечами или побеждавшие недругов просто силой духа, люди, жившие в таком единении с природой, что к ним приходили подкормиться дикие олени, порой даже предлагая себя в жертву.

Связь с чудотворцем для обеспечения его заступничества и исполнения своих желаний достигалась различными способами: установкой горящих свечей, забиванием гвоздей, привязыванием лоскутов ткани к веткам ближайших деревьев или оконным решеткам, употреблением земли или воды из святого места. Предпочтительнее был прямой контакт со святым, и хотя он был невозможен для живого человека, но любой предмет, оставленный на могиле святого, приобретал магическую силу. Смотрители гробниц неплохо зарабатывали на том, что брали деньги за разрешение посетителям оставлять там на ночь небольшие вещицы, посидеть в святой пещере, искупаться в святой воде, а также за продажу горстей земли, которые страждущие ели, чтобы излечиться от эпилепсии, паралича или малярии. Некоторые паломники молились о получении хорошей работы, об обильном урожае и об исполнении других своих желаний. В гробнице Коюн-Деде выдавалось лампадное масло, и, пока оно горело, дети жертвователей находились в добром здравии. В гробнице Халвайи-Баба бесплодные женщины расстилали хлопковую ткань большими кругами, молясь о даровании им детей. Одновременно они обязывались принести много сладкой халвы, если их желание исполнится. Халва, принесенная теми женщинами, чьи желания осуществились, распределялась среди других молельщиков. Считалось, что она обладает магическими свойствами. Моления о помощи подкреплялись не только денежными пожертвованиями, но и приношениями в святые места веников, лампадного масла, свечей, расшитых платочков, молебных

ковриков и книг Корана. Смотрителем святого места почти всегда был дервиш какого-нибудь ордена.

Святость греческих аязмас – священных колодцев – почти всегда предшествовала их сакрализации христианами, и эти колодцы продолжали тревожить воображение простых людей всех вероисповеданий. Многие христианские гробницы, даже часовни и церкви, становились местами обрядов и поклонения мусульманам. Первые святые, которым посвящались эти культовые сооружения, становились героями мусульманских легенд. Ведь если греческая церковь требовала связи святых мест со святыми официального церковного календаря либо освящения епископом или патриархом как могилы нового мученика, в исламе любая такая гробница объявлялась священной по одному лишь народному поверью, при условии, что она хранила тайну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.